

Морское училище в биографии А.И.Непенина. (1885-1892)

Процесс исторической реконструкции биографий офицеров Российского флота неизбежно приводит исследователей-персонологов к одному "общему месту" в столь разнящихся судьбах своих героев. При изучении таких массовых источников, как "Полные послужные списки", внимание невольно фиксируется на постоянно повторяющемся ответе на вопрос: где воспитывался? Ответ одинаков: в Морском кадетском корпусе¹. Тщательное изучение этих первых лет военно-морской службы имеет исключительное значение для понимания процесса формирования личности, ибо за годы, проведенные в стенах Морского училища, воспитанник проходил путь от подростка до морского офицера.

Понимание выдающейся и весьма неоднозначной личности А.И.Непенина невозможно без изучения и анализа этого периода его жизни и службы. Для того чтобы уяснить, как повлияли годы, проведенные в училище, на формирование его характера, необходимо, на наш взгляд, дать ответы на следующие вопросы:

1. Каковы были мотивы поступления А.И.Непенина в Морское училище.
2. Что представляло в рассматриваемый период Морское училище как среда обитания.
3. В какой степени реализовались в условиях этой среды обитания мотивационные ожидания нашего героя.

О мотивах поступления Адриана Непенина в Морское училище можно рассуждать лишь чисто гипотетически. Из предков его по мужской линии во флоте не служил никто, хотя дед – Александр Андриянович – и подавал в феврале 1800 г. прошение императору Павлу 1 о зачислении его в Морской кадетский корпус. Зато дед по материнской линии – Иван Михайлович Елагин – был морским офицером, дослужившимся до чина флота генерал-майора (по отставке). Его сыновья (родные дяди А.И.Непенина) также были флотскими офицерами; четверо закончили службу в лейтенантском чине, а Сергей Иванович Елагин был капитаном 1 ранга и выдающимся ученым-историографом. Его именем и названы нынешние "елагинские чтения". Следует отметить, что к моменту рождения Адриана Непенина в 1871 году никого из его родственников – морских офицеров уже не было в живых.

Весьма обоснованным представляется предположение Б.П.Дудорова, что решение о поступлении в Морское училище было связано с тем, что осенью 1883 г. воспитанником училища стал родственник Адриана – Илья Непенин². Он, так же как и Адриан, был по материнской линии внуком флотского офицера (капитан-лейтенанта Павла Петровича

Горбунова), что давало при поступлении в училище по конкурсному экзамену преимущества принадлежности ко 2-му разряду, куда относились дети офицеров корпусов флота, морских врачей и внуки флотских офицеров. Всего разрядов было четыре, и к первому относились сыновья флотских офицеров.

Можно предположить, что появление в Великих Луках на рождественские праздники воспитанника Ильи Непенина произвело на 12-летнего Адриана и его родителей столь сильное впечатление, что уже в январе 1884 года коллежский секретарь Иван Александрович Непенин подает в канцелярию Морского училища прошение об определении "на воспитание в младший приготовительный класс" сына своего Адриана. Прощение было принято, однако конкурсный экзамен А.И.Непенин держал лишь в следующем 1885 году. В испытаниях по семи предметам (закону божьему, арифметике, алгебре, истории, географии, русскому и французскому языкам) он набрал средний балл 8,86 и был зачислен как внук флотского офицера по 2-му разряду и 13-м по старшинству по показателю среднего балла.

Если поводом к поступлению в Училище можно считать пример родственника, то с причинами, т.е. с глубинными мотивами, разобраться гораздо сложнее. Поступавший в Морской корпус в 1898 году Г.К.Граф объясняет свой выбор следующим образом: "Хотя я и не происходил из морской семьи, но меня всегда привлекала морская служба, она была моей мечтой. Что именно меня влекло, я не мог себе объяснить, тем более что моря я не знал и даже никогда не видел. Не знал я, конечно, и всей сущности морской службы. Но меня тянула, чисто инстинктивно, стихия, люди, которые всю жизнь служат на кораблях, все их интересные приключения, о которых я уже успел прочитать. Привлекала меня и форма морского офицера, такая отличная от других и красивая своею простотой". Весьма сомнительно, что так, или примерно так, рассуждал и А.Непенин, ибо Б.П.Дудоров был вынужден констатировать, что "к морским наукам он относился как к предмету малоприятному, но которого нельзя избежать".

Таким образом, 13-летний подросток, последний ребенок в семье и единственный сын, обожаемый отцом и старшими сестрами и избалованный ими, выросший в атмосфере тихого уездного города, оказался в чопорном столичном Петербурге, в замкнутой и весьма специфической атмосфере морского училища. Рассматривая последнее как среду обитания, нельзя обойти вниманием вопросы, связанные с личностью начальника, духом и традициями училища, составом преподавателей и воспитателей.

Дмитрий Сергеевич Арсеньев (1832-1915) прожил большую жизнь и сделал блестящую карьеру. Окончив Морской корпус в 1850 году, он, спустя пять лет, стал адъютантом Управляющего Морским Министерством, ещё через пять лет – адъютантом великого князя Константина Николаевича, а с 1864 года – воспитателем великих князей Сергея и Павла Александровичей. На этом поприще он дослужился до Свиты его величества контр-адмирала и осенью 1882 года сменил контр-адмирала Алексея Павловича Епанчина в должности начальника Морского училища. В воспоминаниях воспитанников

образ его рисуется примерно одинаково. А.Н.Крылов, который провёл в училище 4 года ещё при Епанчине, так отзывался о его приемнике: "Мы его считали за придворного шаркуна, и первое на что он обратил внимание, были танцы; он как-то сам пришёл на урок танцев и показал, как надо держать даму в вальсе, и несколько раз с избранным им воспитанником, кружась, обошёл весь аванзал, где происходил урок". Воспитанники, любившие и уважавшие большинство своих начальников, относились к нему с оттенком благодушной насмешки, дав ему весьма непочтительное прозвище. У мальчиков, мечтавших сделаться "морскими волками", не мог пользоваться престижем почти не плававший директор, что и увековечила "кадетская муза":

*Начальник наш и добр и мягок,
Исправно шаркая ногой,
Он элегантность и порядок
Вселяет в нас, как долг святой!*

Б.П.Дудоров считал, что одной из причин дурного поведения воспитанника А.Непенина был протест "на несправедливость училищного начальства". Дудоров убежден, что это не было лишь одним капризом избалованного мальчика, а являлось следствием той атмосферы, которая царила в стенах училища при адмирале Арсеньеве, в глазах которого "происхождение, положение в свете и на служебной лестнице отца и родственников кадета являлось высшей меркой его оценки. Главное внимание обращалось на светское воспитание. Хорошее знание французского языка было главной заслугой. Обладающему этими данными многое легко сходило с рук. На лишенного же их нередко обрушивалась вся строгость директора"³.

Годы учёбы А.Непенина совпали с переходным периодом развития флота от парусных времён к пару, электричеству и скорострельной артиллерии. "Нужно было торопиться перевоспитывать сознание воспитанников, внедрять в них увлечение техникой, презрение к белоручкам, словом, приобщать их к задачам службы на рождающемся новом флоте. Адмирал Арсеньев не был способен на это". Но если "арсеньевская эпоха" и дала флоту большое число блестящих, высокого духа и образованнейших офицеров, к числу которых мы с полным основанием причисляем и А.И.Непенина, то флот обязан этому "стенам" корпуса. Все, кто прошёл через него, знали, что это значит. Это – тот дух, те традиции, та любовь к морской службе, к морю, которые от своих унтер-офицеров, от офицеров-воспитателей, "капля по капле внедрялась с детских лет". Уже упоминавшийся Г.К.Граф справедливо считал Морской корпус "очень своеобразным учебным заведением, где за два века выработались особые традиции, которыми, по-видимому, пропитались уже стены, и выветрить которые было почти невозможно". И хотя в Корпус ежегодно поступали новые воспитанники и каждая рота была совершенно отделена от другой, но одного воздуха было достаточно, чтобы новички быстро проникались "корпусным духом" и через два-три месяца оказывались такими же, как и их предшественники". И не случайно, наверное,

последние выпускники Морского корпуса С.А.Колбасьев и Л.С.Соболев посвятили лучшие страницы своих произведений славным традициям alma mater.

Между начальником училища со своими взглядами на цели воспитания и способы их достижения и воспитанниками, имевшими на сей счёт другие суждения, располагался большой отряд преподавателей и воспитателей, которым надлежало проводить в жизнь волю начальства и при этом "не потерять лицо" в глазах воспитанников. Какими же остались они в памяти выпускников училища по прошествии нескольких десятилетий?

Старейшим ротным командиром был капитан 2 ранга И.Г.Сарычев, грозный и грубоватый, но заботливый о своих питомцах. Он преподавал морскую практику гардемаринам и считался лучшим её знатоком: им был написан учебник по этому предмету. Его сменил Н.Ф.Руднев, милейший и добрейший человек. Переходившие из роты в роту со своими воспитанниками были: А.П.Щетинин, по прозвищу "Косуха", грубоватый, но хороший человек; Платон И.Клеопин – "Панталон", преподававший рисование, и Д.В.Благодарёв. У последнего прозвища не было. Его боготворили воспитанники, и уважало всё училище. Командиром 1-й и Гардемаринских рот был Г.И. Грундштрем – человек преждевременно состарившийся, одряхлевший, над которым часто и нехорошо смеялась жестокая молодёжь. Но ближе его знавшие гардемарины, которых он иногда к себе приглашал, не могли не видеть в нём образованного, гуманного и справедливого человека.

Учебной частью ведал инспектор классов капитан 1 ранга П.П.Вальронд, дослужившийся в корпусе до чина генерал-лейтенанта. Прозвище его было "Бонза". Встречаясь в бесконечно длинном классном коридоре с одиночно идущим кадетом, он неизменно останавливал его и тонким голосом вопрошал: "Фамилия?" и шёл дальше. В этом лишь и состояло его общение с кадетами. Всю работу вёл его помощник полковник Я.И.Павлинов. Учили вообще хорошо, особенно по предметам, относящимся к кораблевождению. Наиболее выдающимися преподавателями были: Г.И.Шульгин, М.М.Безпятков, П.К.Бубнов (по навигации); Я.И.Павлинов, А.Н.Кудинович (по девиации); В.М.Сухомель и А.М.Бригер (по математике и теории корабля); А.Яцыно (по артиллерии). Среди преподавателей были А.Н.Крылов и Ю.М.Шокальский – будущие учёные с мировым именем.

Некоторые преподаватели были требовательны и строги, другие – снисходительны, но почти не было таких, которых бывшие ученики не поминали бы добрым словом. Это мнение В.В.Яковлева и В.В.Романова полностью разделяет и Б.П.Дудоров. Подтверждением его справедливости является и сама служба А.И.Непенина, который вполне успешно справлялся с исполнением обязанностей штурманского и минного офицера, вахтенного начальника и ревизора, опираясь при этом только на знания, полученные в училище, при том, что учился он из рук вон плохо. Последнее обстоятельство представляется несколько странным, т.к. результаты приемного экзамена говорят о достаточно высоком уровне знаний при поступлении. Скорее всего "дух протеста",

поставивший его в оппозицию начальству, выразившийся "в дерзостях и тому подобных проступках", распространился и на его отношение к учёбе.

Курс младшего приготовительного класса, куда был зачислен А.Непенин, состоял из предметов математических (арифметика, алгебра и геометрия) и предметов общего образования (закона божьего, истории, географии, русского и французского языков и рисования). Кроме того, начиная с 1883 года, в этом классе был введён курс естественных наук: ботаники, зоологии и геологии.

Повседневная жизнь воспитанников была строго регламентирована. Вот как описан подъём, происходивший в 6.30 утра, одним из воспитанников. "Утреннее вставание было самым неприятным моментом: в спальнях ещё только затапливали печи, зимой было совершенно темно, и вдруг слышатся неприятные резкие звуки горна, игравшего "побудку". Через пять минут уже появлялся дежурный офицер, а за ним дежурный унтер-офицер и фельдфебель роты. В первый раз они обходили спальни и только покрикивали. Особенно ленивые делали вид, что встают, но как только должностные лица проходили, они сейчас же опять заваливались. Через десять минут начинался второй обход, и тут же спящим приходилось хуже – с них сдёргивали одеяла, а кто и после этого оставался на кроватях, тех записывали, а потом наказывали".

Время с 6.30 до 8.00 утра отводилось для туалета, утренней гимнастики и чая в столовом зале. Страница Штрафного журнала, отведённая А.Непенину, пестрит записями: "Поздно встал и не был на гимнастике", "Поздно встал, не был у утреннего чая", и т.д. С 8.00 до 11.00 проходили полуторачасовые уроки, потом было строевое учение и внеклассные занятия. В 13.00 – обед. С 15.00 до 18.00 – ещё два урока, затем – ужин, приготовление уроков и в 9 часов – чай.

Этот распорядок, введённый при Д.С.Арсеньеве, практически не оставлял воспитанникам свободного времени для самообразования, в отличие от прежнего, более либерального распорядка, который существовал в училище чуть ли не со времён И.Ф.Крузенштерна. Это нововведение Арсеньева подверг резкой критике в своих воспоминаниях тогдашний воспитанник и будущий академик А.Н.Крылов.

По воспоминаниям воспитанников кормили их "неплохо, но не чересчур обильно". "Расписания кушаний" на каждую неделю объявлялись приказами начальника училища. Вот небольшая выдержка из такого приказа: "Воскресенье. Обед – 1. Бульон с кореньями. Слоёные пирожки с фаршем из говядины. 2. Жаркое – телятина с жареным картофелем. 3. Кондитерское пирожное бисквитное. Ужин – Бифштекс с огурцами. Понедельник. Обед – 1. Суп рассольник с пирожками. 2. Тушёная говядина с жареным картофелем и солёные огурцы. 3. Кондитерское пирожное песочное. Ужин. Котлеты с красной капустой". Пища воспитанников во времена плавания была обильнее, получаемой ими в училище, т.к. в море на питание каждого воспитанника отпускалось 75 копеек в день, а в училище только 25 коп. Эта сумма была явно недостаточной, и в "Отчёте по Флоту и Морскому ведомству за 1885-

89 г." предлагалось увеличить её до 35 копеек в день. Это вполне объясняет обычай воспитанников посылать "дневальных" (так назывались служители из отставных матросов) в лавочку за филипповскими пирожками, колбасой и сыром. Это называлось "посланциями" и производилось в складчину.

После трёх месяцев, проведённых в стенах училища, и, очевидно, самых трудных для воспитанников младшего класса, наступал двухнедельный отпуск. Сохранилось прошение И.А. Непенина командиру

4-й роты с просьбой отпустить сына на праздник Рождества Христова в город Великие Луки.

По окончании младшего приготовительного класса воспитанники в плавание не посылались, поэтому свою первую морскую кампанию А.Непенин совершил с 19 мая по 18 августа 1887 г. на пароходо-фрегате "Рюрик". Последний был "блокшивом", не имевшим ни машины, ни парусов, а ротный командир И.Г.Сарычев, хоть и назывался командиром фрегата, был по сути заведующим блокшивом. На палубе своего "фрегата" Сарычев был не тот, которого привыкли видеть в училище, где он, в часы приема, очаровывал своей галантностью мамаш и тётушек, навещавших воспитанников. Вспоминая, вероятно, годы своих "дальних вояжей", он сразу же демонстрировал воспитанникам всё богатство "морского языка", столь красочного по выразительности своих специальных терминов и оборотов. "Плавание" это было стоянкой на Транзунском рейде, где воспитанники обучались гребле, управлению шлюпкой под парусами, такелажным работам, морским терминам, семафору, знакомились с компасом и сигнальными флагами.

Начальники отряда судов морского училища назначались ежегодно приказом генерал-адмирала из флагманов Балтийского флота. В кампанию 1887 г. на эту должность был назначен строгий и требовательный контр-адмирал В.П.Верховский. Старшим воспитанникам, проплававшим две предыдущие кампании под флагом добрейшего Л.Ф.Гадда, довелось испытать на себе суровый нрав нового флагмана. Сохранились два интересных документальных свидетельства об этом плавании. Одно принадлежит перу В.П.Верховского. Это Отчёт, в котором детально разобраны все недостатки в системе подготовки будущих офицеров флота и даны конкретные предложения по их изжитию - документ, актуальность которого не утрачена и поныне. Второе рождено всё той же кадетской музой:

*На штагах подняты огни...
Как ясно помним мы те дни,
Когда отряд наш здесь стоял
И добрый Гад был адмирал.
Теперь же адмирал другой,
Завёл он новые порядки!
Прощай, наш отдых и покой,*

А ведь с начальства взятки – гладки!

Момент окончания летнего плавания образно и точно описывает моряк и писатель Конкевич, известный, как А.Беломор: "В августе кампания окончилась. Мы шумно и весело перебрались на Васильевский остров, в наше милое и крепкое здание, никогда, даже в дни наводнений, не подвергавшееся всем неприятностям морской качки, не требующее несносных ночных вахт и тяжёлой обязанности смотреть вперёд, наблюдать сигналы флага, спать на неудобных подвесных койках и ежеминутно держаться настороже". Его же перу принадлежит и общая характеристика военно-морского образования в России того времени, причём весьма созвучная по своему духу с мыслями, изложенными в отчёте В.П.Верховского: "Русский морской кадет, живущий и воспитывающийся на берегу, вдали от моря, независимо от возраста, считающийся как корпусным начальством, так и корабельным, на правах ребёнка, хотя этот ребёнок и с усами и выслуживает пенсию из государственного казначейства, не может серьёзно испытать своих сил и способностей до производства в офицеры". Как знать, может быть, это отсутствие возможности серьёзного испытания "своих сил и возможностей" и направляло эти силы и возможности по пути оппозиции начальству. Б.П.Дудоров сообщает, что сам А.И.Непенин говорил впоследствии, что его "семь раз собирались выгнать из Корпуса". Документальное свидетельство одной из таких попыток хранится в РГА ВМФ. Начальник Морского училища в письме от 30 мая 1890 г. сообщает И.А.Непенину: "При всём моем желании я не могу дольше оставлять Вашего сына в Морском училище, дальнейшее его присутствие в Училище было бы соблазном для всех прочих воспитанников и ему самому потребен сильный отрезвляющий урок, а именно, увольнение из Морского училища". Однако, правы были историки училища, делая следующий вывод: "Отчисляли из корпуса в крайних случаях: по болезни, при явной неспособности учиться и тех, кто не поддавался воспитательному воздействию". Оставленный в училище А.Непенин отнюдь не собирался менять стиль своего поведения, о чём свидетельствуют записи в "Штрафном журнале 1 роты" за период с сентября 1890 по январь 1892 года. Примечательна следующая, от 24.1.1892 г.: "Отказался отвечать на уроке французского языка, за что поставлена "1", и при разговоре с преподавателем сказал: "Я сам буду на Вас жаловаться".

Оставленный на второй год в среднем гардемаринском классе, А.Непенин, вместе со своими новыми однокурсниками (набора 1886 г.) провёл летнюю кампанию (12 мая – 12 августа 1891 г.) на борту корвета "Баян". Эта кампания имела целью "практически подготовить кадетов 1 роты к исполнению штурманских обязанностей", что было связано с производившимся во флоте упразднением "корпуса штурманов". Корвет простоял около месяца на Тверминском рейде, где кадеты, освобождённые от несения караульной и вахтенной службы, целыми днями занимались астрологическими наблюдениями с решением задач, съёмкой окружающего берега и островов и промером глубин на плёсах и в узкостях.

По возвращении из летней кампании 1891 г. воспитанники 1 роты, выдержавшие экзамен ещё весной и имевшие не менее 9 баллов за поведение, были произведены в гардемарины. Тем же из них, кто не добрал заветных баллов, "было даровано только право посещать гардемаринские классы и указано, что как скоро хорошим поведением они заслужат законную цифру 9 баллов, то будут удостоены к производству в гардемарины". Из "Полного послужного списка" А.И.Непенина следует, что в гардемарины он был произведён лишь 13 марта 1892 г., всего за три дня до начала выпускных экзаменов. Эти экзамены происходили в присутствии комиссии от флота под председательством вице-адмирала Стеценко и закончились 4 мая. Оценивались знания выпускников по следующим предметам: астрономия, теория кораблестроения, морская практика, пароходная механика, девиация, артиллерия, французский и английский языки, русский язык (устно и сочинение), минное дело, навигация, фортификация и законоведение. Экзаменуемые были разбиты на два класса, каждый из которых был разделён на 4 партии по 5-6 человек. Гардемарин Непенин экзаменовался в 3-й партии 2 класса. Первым из выдержавших экзамен был признан Николай Григоров, который при отличном поведении получил в среднем 11,9 баллов⁴. Гардемарины выпуска 1892 года имели следующие успехи:

от 11,5 до 12 баллов - 5 человек

от 11 до 11,5 баллов - 2

от 10,5 до 11 баллов - 6

от 10 до 10,5 баллов - 9

от 9 до 10 баллов - 16

от 8 до 9 баллов - 4

Адриан Непенин, занимавший в общем списке выпуска скромное 39-е место (напомним, что при поступлении он был 13!), скорее всего, замыкал группу из 16 человек, имевших от 9 до 10 баллов.

Свою последнюю кампанию на судах Морского корпуса гардемарины провели с 12 мая по 11 сентября на борту учебного судна "Скобелев". И здесь А.Непенин умудрился "отличиться". Штрафной журнал зафиксировал, что в июне 1892 года он был "оставлен на 1 очередь без берега" за "невыполнение приказа изменить своё место в шлюпке". С 6 по 11 августа гардемарины принимали участие в морских манёврах, по окончании которых находились в парусном крейсерстве в Финском заливе и Балтийском море. 2 сентября учебное судно пришло в Бьорке-Зунд, где "был произведён практический экзамен гардемаринам комиссией от флота под председательством Директора Морского кадетского корпуса вице-адмирала Д.С.Арсеньева". На этих экзаменах гардемарин Непенин показал очень неплохие результаты: по морскому делу из 5 вопросов ответил на 4 (удовлетворительно); по минному делу из 9 вопросов ответил на 5 (удовлетворительно); по штурманскому делу из 11 вопросов ответил на 7 (удовлетворительно); по машинному делу из 5 вопросов ответил на 3 (удовлетворительно); и лишь по артиллерии, ответив только на 2

вопроса из 5, получил "неуд.", впрочем, как и ещё 14 гардемарин, в том числе и Н. Григоров.

Учебное судно "Скобелев" ещё бороздило волны Балтийского моря, когда уже была определена дальнейшая судьба более чем половины плававших на нём гардемарин. Начальником Главного Морского штаба (ГМШ) было определено, что "из числа мичманов настоящего выпуска, 24 человека должны быть направлены в Чёрное море, а потому если такое число не найдётся желающих для такого назначения, ГМШ просит... назначить их по жребию, освободив от оногo только первых десять". 9 сентября 1892 г. "Список 24-х гардемарин, выпуска сего года, вынудивших жребий быть зачисленными по производстве их в мичманы в Черноморский флот" был направлен вице-адмиралом Арсеньевым в ГМШ. Восьмым в этом списке значился Адриан Непенин.

Версия Б.П.Дудорова, что "гардемарин Непенин, видимо окончил курс Морского корпуса не так уж плохо... и при разборе вакансий получил назначение в Черноморский флот, что при наличии многих юношей, желавших начать свою службу там, где её несли их отцы и деды, должно было быть доступным лишь стоящим в списках произведённых довольно высоко", является, безусловно ошибочной. Вовсе не успехи в учёбе и уж, тем более, примерное поведение определили первое место службы мичмана Непенина, а то, что за время его пребывания в стенах Морского училища один за другим сходили со стапелей эскадренные броненосцы для возрождавшегося Черноморского флота: 1886 г. – "Чесма" и "Екатерина П", 1887 г. – "Синоп", 1890 г. – "12 Апостолов", 1892 г. – "Георгий Победоносец". Черноморскому флоту срочно требовалось пополнение для заполнения вакансий на вступающих в строй кораблях. Вот почему произведённый 8 сентября 1892 г. Высочайшим приказом по флоту и морскому ведомству в мичманы Адриан Непенин "циркуляром ГМШ от 12.9.1892 г. за № 127" был зачислен в 34-й флотский экипаж и отправлен к месту своей первой офицерской службы в Севастополь.

Выводы:

1. А.И.Непенин вынес из МКК, в стенах которого он провёл 7 лет, солидный багаж, как общих, так и специальных знаний, который позволил ему, не пополняя этот багаж ни в Морской академии, ни в одном из специальных офицерских классов, успешно исполнять свои обязанности в самых различных офицерских должностях, а впоследствии выдвинуться на самую высшую должность во флоте.
2. А.И.Непенин вынес из МКК и затаённые в душе обиды на уязвлённое самолюбие и несправедливости начальства; а также свой огромный и почти не реализованный за годы учёбы потенциал. Характерно, что среди близких друзей А.И.Непенина не было его однокашников ни по набору 1885 г., ни по выпуску 1892 г.
3. Командование МУ (МКК) проявило огромное терпение, выдержку и мудрость, дав возможность А.Непенину закончить курс, чем сохранило для флота одного из выдающегося его деятелей.

4. К А.Непенину в полной мере можно отнести слова А.Н.Крылова, который считал, что "именно из таких юношей, в которых не был угашен дух самостоятельности, и выходили впоследствии отличные моряки".

¹ В феврале 1891 г. Морское училище было в очередной раз переименовано.

² Лейтенант Илья Михайлович Непенин 1-й трагически погиб в 1900 г.

³ После переименования Училища в морской кадетский корпус начальник стал именоваться директором.

⁴ В сентябре 1916 г. контр-адмирал Н.М.Григоров был Начальником штаба командующего флотом Балтийского моря, командующим флотом был вице-адмирал А.И.Непенин.

Использованные источники и литература.

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ).

Фонд 406. Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства.

Фонд 432. Морское училище.

1. Беломор А. Из записной книжки моряка. СПб. 1901.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
4. Гельфонд Г.М. и др. Там за Невой моря и океаны. М., 1976.
5. Граф Г.К. Моряки. СПб., 1997.
6. Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993.
7. Колыбель флота. Париж 1951.
8. Копелев Д.Н. Офицеры немецкого происхождения на службе в Российском флоте. Автореферат диссертации..... кандидата исторических наук. СПб., 2000.
9. Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1979.
10. Обзор преобразований морского кадетского корпуса с 1852 года. СПб., 1897.
11. Общий морской список. Ч. 1У. СПб., Ч. X. СПб.
12. Отчёт по флоту и морскому ведомству за 1885-89 гг. СПб., 1891.